

Хлестакова "не хороню". Может быть, еще успею

Это для широкого зрителя он Саша Белый из "Бригады", а театральная публика до сих пор вспоминает его Есенина в спектакле "Жизнь моя, иль ты приснилась мне..." Уже три года как постановка не идет в Театре им. Ермоловой, но все, кто видел в ней Сергея БЕЗРУКОВА, с нетерпением ждут показа по "Первому каналу" телесериала "Есенин". И если верно, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, то мы увидим актерскую работу, сильно отличающуюся от той, которой когда-то рукоплескали на сцене.

— Когда предполагается выпуск "Есенина" на телеэкран?

— В октябре — ноябре. К 110-летию Сергея Александровича можем не успеть, но главное — не "к дате". Главное — качество.

— Фильм финансирует "Первый канал"?

— Я являюсь креативным продюсером, деньги не по моей части. По моей части — творческие идеи.

— Сколько планируется серий?

— Первоначально задумывалось восемь, потом договор подписали на десять серий. Но, исходя из огромного количества отснятого материала, думаю, будет двенадцать.

— Говорить о будущем результате — дело неблагоприятное. Какими получились Есенин и Иешуа в вашем исполнении, зритель сможет оценить, когда фильм выйдет на экран.

Но есть момент, который настораживает. Актеры старой школы никогда не снимались в двух больших картинах одновременно. Вы же делали сериал о судьбе Есенина (о чем, по вашему собственному признанию, мечтали очень давно), параллельно снимались в экранизации "Мастера и Маргариты" да еще и подвизались в роли Вронского на площадке у Соловьева! Сергей, извините, но я никогда не поверю, что можно совмещать работы подобного масштаба без ущерба качеству. Почему вы пошли на это?

— Я никогда не соглашаюсь сниматься параллельно в разных проектах! Проблема "Анны Карениной" как раз возникла из-за того, что обещали отснять все до "Есенина" и — не успели. Отсняли первый материал, а потом проект заморозили. Начался долгожданный "Есенин", и вдруг через полгода звонок: "Ну как? Мы продолжаем?" А что "как"? У меня "Есенин", я же предупреждал. Мне нравилась роль Вронского, я очень хотел ее играть и готов был продолжить съемки, причем без отдыха, сразу после "Есенина". Но не готовыми оказались режиссер и продюсер: взяли другого актера.

Когда мне предложили Иешуа, по-

началу я очень расстроился: такая роль бывает один раз в жизни. Но вот-вот должен был начаться "Есенин" — как совместить? И тут неожиданно выяснилось, что все эпизоды с Иешуа укладываются в пять съемочных дней.

— Вопрос не в том, сколько дней. Вопрос в том, каких дней. Нельзя "выпрыгнуть" в роль Иешуа с такой же легкостью, как в вагон метро!

— Да, конечно. Но дело в том, что Иешуа и Есенин возникли одновременно неспроста. Изучая материал по Есенину, я для себя открыл очень важный пласт, который многие литературоведы упускают, — образ Христа в восприятии Есенина. Все цитируют только одну фразу: "Стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь", — и на этом взаимоотношения Есенина с Богом для большинства заканчиваются. Но ведь "горько мне, что не верю теперь"! Читая дореволюционную поэзию Есенина, постоянно наталкиваешься на его размышления о Боге. В 1914 году он писал своему другу Глебу Панфилову: "Все верят в него из страха, что будет после смерти. А я верю в него как в человека, наделенного светлым умом и благородною душою. Он для меня образец любви к ближнему. Только ведь и он не открыл смысл жизни, он указал, как жить, а чего этим можно добиться, никому неизвестно".

Получилось, что мой Иешуа явился и впечатлением о Христе Есенина. В этом есть пересечение с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. У него тоже написан более человек и много отступлений от библейских канонов. Это его, очень русский взгляд на библейскую историю.

— Перед тем как сыграть Иешуа, вы постились. Но пост — это смирение и очищение плоти, а как же быть с чистотой духа, если в вашей жизни по-прежнему оставался театр? В том числе пропитанные разрушением "Признания авантюриста Феликса Круля"?

— Я сократил количество театральных спектаклей вполтину, сняв негодование театров и антрепрене-

С. Безруков

ров, а "Круля" долгое время не играл вовсе. То есть я не работал, бездумно смешивая энергетики. Наоборот, я их выстраивал. Ничего в параллель не происходило. Отсняли материал по "Есенину", потом была пауза, я подготовился и поехал в Судак — играть Иешуа. После этого у меня снова был большой перерыв и только потом продолжение есенинских съемок.

Кстати, роль Иешуа заставила меня кое-что добавить в роль Феликса Круля. Ему же с детства вдалбливали, что он Бог, а для русского человека понятие "Бог" — это все равно распятие. И теперь во время спектакля мой Круль несколько раз застывает в контражуре как распятый. В этом есть абсолютно русское "возмнил": ну и ну, батенька, Богом себя мыслить... В финале, уже прокричав "Майн кампф", он поднимает руки, идет сдаваться и снова замирает в позе креста. Раздается звук гильотины, я опускаю голову — и получается распятие без головы. Соответственно, и без тернового венца.

— Это правда, что вы отказались сниматься в "Жмурках" Балабанова?

— В тот момент я просто был занят.

Да и криминальная тема мною уже сыграна, не хочу возвращаться, а уж тем более смеяться над ней. Хотя с Балабановым мне очень хотелось бы поработать, он — интересный режиссер.

— А что произошло с ролью Печорина? Много писали, что вы будете ее играть и уже в июле начнутся съемки, а потом неожиданное — "приняли волевое решение в данном проекте не участвовать". Почему?

— По творческим причинам. Мы с режиссером разошлись в концепции: он видит в Печорине самого Лермонтова, даже внешне. С чем я категорически не согласен. Если бы Михаил Юрьевич захотел увековечить себя, он наверняка бы это сделал, и сделал бы блистательно. Но Печорин — собирательный образ. Лермонтов дал ему все: ум, талант, наделил внешностью плейбоя — смуглый цвет лица, белоснежные зубы, белокурые волосы и при этом — признак благородного блондина — темные усы и брови. Практически секс-символ. Но его ничто не радует, ему скучно. Вот именно это я и хотел сыграть — проблему агедонизма. Агедонизм пришел

к нам с Запада и очень актуален сегодня, потому что у нас в стране огромное число таких людей. Они совершают невероятно экстремальные поступки — прыгают с вертолета, еще чего-то, еще чего-то... Но ничто их не трогает, нет вкуса к жизни. И у бизнесменов, и у молодежи. Сказать свое "новое старое" слово по этой проблеме было бы очень интересно. Но, видать, не судьба.

— Большое у вас кладбище желанных, но несыгранных ролей?

— Есть две-три "могилки". Во-первых, Вронский. Мне кажется, я нашел в роли любопытный ход: неслучайно Вронского и Каренина зовут одинаково — Алексей. Это один тип мужчины. Анна ушла все к тому же Каренину, только моложе. Когда Вронский, оставив службу, надевает фрак, сбрасывает усы и отращивает бакенбарды — она с ужасом понимает, что наступила на те же самые грабли. Только с Карениным хотя бы была семья, а здесь ни семьи, ничего... То есть абсолютный Фрейд. Жалко, если режиссер не реализует эту идею, пусть даже и без меня.

Во-вторых, Ромео. На мой взгляд, во всех экранизациях актрисы затмевали своих партнеров, и получалась история Джульетты. Мне хотелось бы сыграть так, чтобы это была история Ромео и Джульетты. Сыграть истинную любовь. Что самое сложное, кстати. Все говорят: по первому плану играть легче, глубина здесь не нужна. Это неправда! Порой страсть сыграть гораздо сложнее, чем глубину гамлетовских переживаний. Сыграть так, чтобы это было убедительно, а главное — нескучно. Но, как говорится, поезд ушел. Сейчас у меня мозги будут "лезть", а где подключаются мозги — там уже нет Ромео.

Пока "не хороню" Хлестакова. Может быть, еще успею.

— Глядя на ваши последние работы, я все чаще вспоминаю актеров, решивших получить режиссерское образование. Как правило, дело было не в том, что их не удовлетворял уровень режиссуры, с которой они сталкивались, а в том, что возникало желание подняться на другой уровень взгляда на актерскую профессию. Есть ли у вас потребность заняться режиссурой?

— Если говорить о театральной режиссуре, я уже завтра могу попробовать поставить спектакль. В моей родной Табакерке в этом смысле периодически поглядывают в мою сторону. Мне нравится режиссура Буту-

сова, Серебренникова. Я хотел бы с ними поработать и в то же время чувствую в себе силы потягаться с ними. Однако требуется время, а есть планы того, что я должен сделать как актер. И мне жалко потратить это время на эксперимент, потому что все равно первая режиссерская работа в профессиональном плане — всегда эксперимент.

Что касается кинорежиссуры, мне не хватает знаний. Я чувствую, как нужно снимать, порою мыслю киношно, даже по-операторски. Но для того, чтобы понять профессию, нужно учиться. На съемках "Есенина", кстати, мне однажды пришлось снимать самому, когда заболел Игорь Зайцев, наш режиссер. Я очень не хотел, но сроки поджимали. В итоге Игорю понравилось, он сказал, что из того, что я снимал, собирается живая и импульсивная сцена. Другой вопрос, что если я когда-нибудь буду делать кино как режиссер, то никогда не стану играть в этой картине сам. Бежать от монитора в кадр, из кадра к монитору — это безумие.

— Сережа, вы часто и с видимым удовольствием общаетесь с посетителями вашего официального сайта. Что при вашей занятости делает вам честь — редко кто из популярных актеров столь внимателен к своей публике. Что вам это дает?

— Форум помогает понять, проанализировать сыгранные тобою роли. Есть самая разная ответная реакция. По поклонам судить сложно. Люди дарят тебе цветы или хлопают, но остается неясным, что они думают о спектакле. На сайте же я могу прочитать разбор спектакля, который только что сыграл. Это жутко интересно. И мобилизует. Ты понимаешь, что расслабляться не имеешь права, что за тобой следят, что есть люди, которые приходят на спектакль второй раз и третий. Есть те, которые ходят раз по сто. Иногда это напрягает, потому что видишь один и те же глаза на каждом спектакле. Порой я даже прошу: "Не садитесь в первый ряд!" — потому что ловлю себя на том, что в стремлении удивить знакомые глаза начинаю хулиганить, пытаюсь расшевелить, отчего порой забываю о роли. Хотя, с другой стороны, это все равно будит фантазию, дает волю неповторимой импровизации. Играть одинаково я не умею. На сцене надо жить.